

«ЭСТРАДА — ЭТО СЕРЬЕЗНО!»

КОГДА я первый раз позвонила Льву Борисовичу Мирову, он несколько неожиданно для меня сразу же согласился на встречу. Он только спросил:

— А о чем мы будем говорить?

— Я думаю так — «Эстрада и молодежь».

— Простите, я не совсем понимаю. Вы имеете в виду молодежь на эстраде? Очевидно, то, что ее ущемляют, зажимают, а она так талантлива? Вы знаете, этот предмет, пожалуй, несколько устарел.

— Нет. Я имею в виду не эстрадную молодежь, а молодежь вообще. И хотела бы узнать у вас — какое влияние может или не может оказать эстрада на молодежь и если может, то в чем оно?

— Это — другое дело. Этот вопрос актуальный всегда. И я с удовольствием побеседую с вами.

И вскоре встреча состоялась.

— Что же все-таки такое эстрада — только отдых или еще что-то? Я задала вам этот вопрос под свежим впечатлением. Сейчас в Москве гастролирует множество артистов зарубежной эстрады. Большинство из них приезжает без конферансье. Но, вот выступали в Москве «Звезды польской эстрады». У них был превосходный, к тому же отлично говорящий порусски конферансье Ежи Михотек. У него есть то, чего во многих случаях не хватает нашим конферансье, — умение установить контакт со зрительным залом. Но credo его абсолютно недвусмысленно — долой всякую злостью дня, люди пришли отдыхать.

— И вы хотите узнать мое мнение?

— Да.

— Я, к сожалению, не видел польских артистов. Но очень хорошо представляю себе это credo... В спорах с ним мне не раз приходилось отстаивать свою точку зрения.

Что такое отдых? Может ли быть чистый отдых вообще? Без всякой мысли? Ведь даже когда мы отдыхаем на диване или тахте от трудов праведных, мы думаем и не можем не думать — на то мы и люди. Попробуйте заставить себя перестать думать — и вы будете напряженно думать о том, что вам не нужно думать. Отдых человека нельзя изолировать от жизни. Другое — как сделать, чтобы «легкий жанр» и не улетел от жизни на воздушных и в то же время не опустился на зрителя пудовой тяжестью вроде той «агитгирьки», о которой пишут в своем фельетоне «Веселящаяся единица» Ильф и Петров...

В воспитании на эстраде очень важно чувство меры. Воспитание это должно начинаться с шутки, а кончаться серьезом. Помню, у нас с Новицким была интермедия «Напишите письма матерям». Я выхожу и говорю, что получил письмо от своих стариков: «Дорогой наш мальчик (хм... мальчик)... Всегда ли ты надеваешь га-лоши... берешь ли носовой платок... сырая погода и т. д.». В общем, публика смеется. Но постепенно по ходу действия лица зрителей становятся серьезными, кое у кого мрачнеют. А после концерта за кулисы к нам приходили

люди и говорили, что сегодня же вечером напишут письма отцу или матери, которым не писали очень и очень давно.

Истории, рассказанные с эстрады, должны быть узнаваемы. Я лично глубоко убежден, что зрителю гораздо интереснее разговор, скажем, о перипетиях и гримасах сегодняшней моды, чем какой-нибудь затасканный анекдот о шляпке вообще (не говоря уже о более серьезных вещах).

И еще я хочу сказать, что эстрада должна быть чуткой к аудитории. Помню, как-то приехали мы в Дом ученых на концерт после конференции. С заранее составленной программой, с готовым конферансом. И вот смотрю я

РАССКАЗЫВАЕТ ЛЕВ БОРИСОВИЧ МИРОВ

из-за кулис и думаю: а будет ли им интересно — так, нечто кое о чем? Может быть, лучше другое? Прошли с Новицким в зал да послушали, что они говорят на своей конференции. И тут же сымпровизировали. Вы бы видели, как ученые были довольны! Правда, некоторая часть нашей молодежи пока еще тянется к эстраде чисто развлекательной.

— Думаю, — вставила я, — объясняется это тем, что воспитательные задачи эстрады понимались крайне прямолинейно. Все было правильно, но разжевано и скучно до крайности. Никаких спорных, никаких острых вопросов.

Джаз, например, — «нельзя». Не мудрено, что сейчас молодежь приходит порой в восторг даже от самого посредственного джаза. И встречаются еще у нас дельцы от эстрады, которые, используя это увлечение молодежи, плодят музыкальную халтуру.

— Простите, но у нас сейчас в эстраду халтуру довольно трудно проникнуть. Другое дело всякие «дикие» джазы, так называемые «лабухи». Играют они на танцах, в ресторанах и кафе. Мы за них не несем ответственности.

— Но почему же? Они, так сказать, первичное звено. Кто же ими занимается?

— Не очень в курсе дела.

— Ведь вы воспитываете на хороших образцах, а они развращают.

— Возможно, вы и правы. Но, видите ли, ресторан, тан-

цы — это одно дело, а эстрада — все-таки другое.

— Но если не привести их к общему знаменателю, то получится, как у Крылова, — лебедь, ран и щука?

— Верно, с этим нельзя не считаться. Вот на Западе, например, вообще почти нет чистой эстрады. Там раз эстрада — значит, тут же обязательно столики. Там она существует чаще всего в виде варьете.

— И вы начисто это отрицаете?

— Нет, почему же. Это очень сложный вопрос. В свое время в старой Москве были такие варьете, где выступали знаменитые артисты. И у нас как-то пытались организовать такой ресторан-варьете. Пригласили и меня. Но я отказался. Откровенно говоря, не представляю, как можно выступать перед людьми, всецело занятыми едой и питьем.

— А что вы скажете о возникших недавно молодежных кафе?

— Это очень хорошо. Вот где простор эстраде! Молодой эстраде. Общению со зрителем — непринужденному и естественному. Но я боюсь, как бы в эти юные очаги культуры не проникли миазмы старой болезни — делячества. Доходность, «вал». Как бы не навалились эти стопудовые категории и не задавили бы ростки нового. А что касается меня... Я всегда готов выступить в этих кафе, если, конечно, меня пригласят. И если будут согласны с моей точкой зрения, что эстрада — это очень серьезно. Я на этом настаиваю, это мое твердое убеждение. И... Видимо, на этом можно нам согласиться?

— Спросив также мнение наших читателей?

— Безусловно.

В. ИВАНОВА.